

ОБ ОПЕРЕ, О ПЕСНЕ, О СЕБЕ

БЕСЕДА С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР
СЕРГЕЕМ ЯКОВЛЕВИЧЕМ ЛЕМЕШЕВЫМ

Именно опере присуще выражение переживания человеческой души в моменты наивысшего эмоционального подъема, состояние, которое невозможно выразить словами. Его можно только спеть.

— «Современный спектакль», «современная тема», «современный артист»... В чем, на ваш взгляд, проявляется современный характер исполнительства в оперных спектаклях?

— Сразу же оговорюсь: для меня нет современного и несовременного искусства. Есть высокое искусство и суррогат. Для меня одинаково современны Рублев, Мусоргский, Шостакович...

Оперный спектакль, пожалуй, традиционно наиболее «консервативный жанр». Но почему зрители приходят по несколько раз на «Евгения Онегина» и «Пиковую даму», на «Травиату» и «Риголетто»? Да потому, чтобы и в пятый и десятый раз услышать любимую арию, музыкальную фразу, наконец, красивую ноту, согретую живым дыханием сценической жизни. Однако, если раньше зритель, приходя в оперный театр, прошал исполнителя ради красивого голоса недостатки драматической игры, то сейчас он и на оперной сцене хочет видеть правдивое искусство. Поэтому и в пении, и в режиссуре должны быть тонкое понимание специфики жанра, глубина мыслей и подлинность эмоций. К оперному жанру надо относиться бережно, соизмерять сценические задачи с музыкой. Я заметил, что некоторые оперные режиссеры, видимо, страшась кажущейся статичности, пытаются придать действию как можно больше внешнего движения, забывая, что динамику действию задает сама музыка, развитие музыкальных образов.

— В музыкальной литературе часто встречаются термины «русская» школа пения, «итальянская» школа. Сейчас особенно ярко выразилась тенденция взаимовлияния этих школ. Наши певцы учатся и стажировались в Италии. Происходит обмен артистами, целыми театрами. В чем, на ваш взгляд, сходство и различие итальянской и русской вокальных школ?

— Когда мы говорим о русской школе пения, то в первую очередь подразумеваем органическое сочетание пения и мысли, в единстве которых достигается художественная выразительность. Мы подразумеваем естественность звуковедения, естественное положение голосового аппарата, естественность дыхания. Представителей русской вокальной школы отличает умение выразить в пении глубину и правдивость чувств, донести до слушателей искренность и трепетную проникновенность многообразия человеческих переживаний.

Великие русские композиторы Глинка, Даргомыжский, Мусоргский, Бородин, Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов, раскрывшие в своих гениальных творениях огромные богатства духовного мира человека, определили и стиль исполнения, находящийся в прямой связи с манерой пения. Истоки русской школы пения глубоко национальны, они в народном творчестве, в народных песнях с их теплотой, напевностью и глубоким внутренним содержанием.

Итальянская манера пения тесно связана с итальянской национальной музыкой, отличающейся звуковой нарядностью, яркостью, патетикой. Поэтому общий стиль итальянской манеры пения отличается активной эмоциональностью, форсированностью вокальных приемов. Представителей итальянской школы отличают широко раскрытая гортань, предельная широта дыхания, уплотненный, часто перенасыщенный силой звук. Слушая такого певца, вы чувствуете, что весь его организм в работе, все напряжено до предела. Внешне это эффектно и производит впечатление, особенно на молодых вокалистов. Однако такое напряжение голосового аппарата приводит к тому, что после 10–15 лет выступлений становятся ощутимыми «потускнение» тембра, «качание» голоса.

И все-таки в своей практике мы должны использовать достоинства итальянской школы, в первую очередь — освоение всех видов вокальной техники, искусства дыхания, ровности пения, сочетая это с естественностью и правдивостью русской школы.

— В вашем творчестве особое место занимают народные песни, которые вы всегда пропагандировали с эстрады. Есть ли какие-либо особенности в интерпретировании народной песни?

— Песня — это душа народа. И потому, на мой взгляд, в ее исполнении многое решает искренность. В русской песне пейзаж, образы природы навсегда соединились с судьбами людей, с жизнью человека, с его душевными переживаниями. Если певец не может спеть песню с искренним чувством, отдав ей всю душу, то такое исполнение удовольствия не доставит. Я припоминаю, что в юности, когда я пел — а петь я любил песни грустные, протяжные, — почти не было случая, чтобы я не растрогался. Русской песне свойственны целомудренность, незамутненность чувств.

В народе песни поют не так, как это делаем мы, профессиональные певцы. Но нам так петь и не надо. Мы должны исполнить песню по-своему, но обязательно так, чтобы народ ее принял за свою.

В последнее время народная песня часто подвергается специфически эстрадной обработке. Такая аранжировка широко известных мелодий, на верное, имеет право на жизнь. Но на эстраде так важны вкус, общая и музыкальная культура исполнителей. У нас много новых превосходных обработок. Но много и плохих, варварски искажающих мелодию, навязывающих чуждую ей гармонию. Нередко под воздействием «стиля» обработки песня лишается плавности, ее спокойное, мерное движение будоражится синкопами... И как бывает обидно, когда известный исполнитель, оперный певец, на эстраде позволяет себе петь народные песни или русские романсы в чуждой их стилю обработке. Такое исполнение может удовлетворить лишь самые невзыскательные вкусы.

— Что бы вы посоветовали молодым певцам?

— Страстной одержимости трудом, влюбленности в свою профессию, самозабвенного служения искусству. Только тогда можно добиться успеха и достойно служить своему народу.

Беседу вел Г. ПОПЛАВСКИЙ
Фото В. Никитина

ИМЯ Сергея Яковлевича Лемешева не нуждается в представлении. Звучание лемешевского голоса давно уже стало привычным и близким миллионам советских людей — всем, кто любит музыку, оперу, народную песню.

Кажется, совсем недавно звалился занавес, и на сцене появлялся восторженный Ленский и мудрый Берендей, романтический Дубровский и былинный Боян, пылкий Ромео и блестящий вердиевский Герцог.

Наверное, со времен Собинова и Шаляпина русский оперный театр не слышал такого мощного раската рукоплесканий, таких единодушных возгласов «браво!», таких восторженных откликов, которые на протяжении полувека сопровождают выступления выдающегося советского певца.

Обо всем этом думалось на недавних концертах певца в Ленинграде и Москве. Артиста всегда отличала суровая требовательность к себе, своему труду, жесткая самодисциплина. Для него не существовало потолка в искусстве. Он сам соизмерял свои возможности с поставленными задачами, зная, что он может и что он хочет...

В эти февральские дни исполняется 50 лет творческой деятельности выдающегося артиста — редчайший юбилей певческого долголетия! Именно 50 лет назад в студии Н. С. Станиславского в Леонтьевском переулке в Москве Лемешев впервые исполнил партию Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин».

По заданию редакции я встретился с артистом. В кабинете — письменный стол, магнитофон, газеты, журналы, письма отовсюду. На стене картины: полный неброской красоты и поэтичности русский пейзаж — лес, речка, избы вдаль... Над бехштейновским ролею портреты с автографами Собинова и Шаляпина. А вот фотография самого хозяина в его любимой роли Ленского, которую он недавно исполнил на сцене Большого театра в 501-й раз. На другом снимке Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручает Лемешеву орден Ленина.

Я рассказал Сергею Яковлевичу, что недавно Ленинградское телевидение передавало кинофильм «Музыкальная история», а также большой киноконцерт, посвященный его творческой деятельности.

— В моей жизни Ленинград занимает особое место. Ни в одном другом городе, кроме Москвы, я не выступал так часто. Впервые я приехал в Петроград из деревни в первые дни февраля 1917 года. Помню толпы праздничного народа, красные флаги и арестованных городских, которых возили по Лиговке.

А первое мое выступление в Ленинграде состоялось в 1932 году в Большом зале Филармонии с сольным концертом, причем мне пришлось заменить самого Собинова, который внезапно заболел.

Сейчас, спустя сорок лет, я удивляюсь своей самонадеянности: ведь публика на концерте была собиновская, а тут приехал какой-то молодой неизвестный тенор... Надо отдать должное такту и доброжелательности ленинградцев — приняли они меня очень хорошо, и так, к моей радости, было всегда.

В Ленинграде я впервые дебютировал как киноактер — в «Музыкальной истории» — и как режиссер, поставив на сцене Академического Малого театра оперы и балета оперу Верди «Травиата», которая до сих пор идет в моей постановке.

В Ленинграде же я выступал почти во всех операх своего основного репертуара: «Евгений Онегин», «Травиата», «Риголетто», «Дубровский», «Ромео и Джульетта», «Севильский цирюльник», «Сорочинская ярмарка». Много пел в чудесном зале ленинградской Филармонии, домах и дворцах культуры.

— Вам как оперному артисту не безразлична судьба оперы. Сейчас нередко возникают дискуссии о кризисе оперного жанра или о его возрождении. Что вы думаете об этом?

— Наверное, ни один жанр не подвергался за историю своего существования стольким критическим нападкам как оперный. Споры не утихают уже четвертое столетие. Но опера живет. Она развивается. Она любима.

Опера — это сложное, противоречивое, но могучее искусство, связывающее воедино музыку, пение, поэзию, драму, живопись, танец, пантомиму. Опера потрясает масштабами человеческих страстей, душевных коллизий, выражающихся в стихии музыки, пения, театрализованного представления. Она заставляет слушателей, да и не только слушателей, но и нас, исполнителей, сопереживать поступкам героев, соотносить извечные человеческие идеалы с современной жизнью.

Особенность оперного искусства дарит много прекрасных художественных впечатлений, но при условии тонкого следования законам жанра, его особенностям. Так, с первого, пусть даже очень внимательного знакомства с оперой невозможно раскрыть ее красот. Нужно вслушиваться, вдумываться в оперный спектакль, музыка и драматургия которого несут тончайшие нюансы человеческой психологии, художественного мышления.